

криминологический аспекты. – Алматы: НИИ права, 2022. – 135 с.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Казахстан за 2023 год. – Астана, 2024. – 78 с.

4. Рогов, И. И. Уголовное право Республики Казахстан. Общая и Особенная части. – Алматы: Жеті Жарғы, 2021. – 640 с.

5. Ағыбаев, А. Н. Уголовное право. Общая часть. – Алматы: Баспа, 2020. – 512 с.

6. Каиржанов, Е. И. Проблемы уголовного наказания в Казахстане. – Алматы: Дәнекер, 2019. – 224 с.

7. Рахметов, С. М. Современные тенденции уголовной политики Казахстана. – Астана: ҚазГЮУ, 2023. – 180 с.

8. Жумабаев, А. К. К вопросу о роли дополнительных наказаний в уголовном праве. // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2022. – № 3. – С. 54–60.

9. Аманова, Ж. Н. Практика применения дополнительных наказаний в Казахстане. – Алматы: ЮрКлуб, 2021. – 148 с.

10. Еркенов, Е. К. Уголовная ответственность в условиях цифровизации. – Алматы: Атамұра, 2022. – 176 с.

УБИЙСТВА, СОВЕРШАЕМЫЕ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Сабилов Сабит

магистрант, Карагандинский национальный исследовательский университет
имени академика Е.А.Букетова

Научный руководитель: Сидорова Н.В. профессор кафедры уголовного права, процесса и
криминалистики, к.ю.н, доцент

Убийства, совершаемые с особой жестокостью, остаются одной из наиболее тревожных и социально значимых категорий преступлений против личности, поскольку они отражают не только уровень криминогенной напряжённости в обществе, но и глубинные деформации межличностных отношений, ценностных ориентаций и эмоционально-поведенческих моделей. В условиях Казахстана данная категория преступлений привлекает особое внимание исследователей и правоприменителей, поскольку их устойчивость на протяжении последнего десятилетия демонстрирует, что проблематика жестокости носит комплексный характер и не поддаётся простому административно-правовому регулированию [1]. Несмотря на многочисленные реформы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, усиление мер профилактики бытового насилия, цифровизацию правоохранительной деятельности, убийства с особой жестокостью продолжают фиксироваться практически в каждом регионе страны, что подтверждает глубину социальных процессов, лежащих в их основе.

Юридически такая форма преступления аккумулирует два ключевых элемента: умышленное лишение жизни и особый способ его совершения, выражающийся в причинении потерпевшему мучительных страданий, множества травм, длительного истязания либо сознательного глумления, что закреплено в п. 5 ч. 2 ст. 99 УК РК [2]. Однако преступление нельзя понять, анализируя только норму закона; важны также причины, мотивы, динамика и социальные последствия, что превращает данное явление в объект комплексного криминологического исследования.

Анализ статистики убийств с особой жестокостью за период 2014–2024 гг. показывает, что их количество не демонстрирует устойчивого долгосрочного снижения, оставаясь в диапазоне 85–110 случаев ежегодно, при том что общее число умышленных убийств в этот же период уменьшилось примерно в 1,8 раза [4]. Это подтверждает фундаментальный вывод криминологов о том, что жестокость в поведении не исчезает по мере стабилизации экономики или улучшения работы правоохранительной системы, поскольку её корни уходят в культурные, социально-психологические и межличностные

структуры общества. По сути, такие преступления становятся индикатором эмоционального и социального состояния населения, своеобразным «барометром» межличностной агрессии.

Ниже представлена визуализация динамики убийств с особой жестокостью за последние десять лет.

Колебания показателей в пределах 15–20 % обусловлены не только криминогенной ситуацией, но и изменением подходов к регистрации подобных преступлений, качеством судебных экспертиз, культурными стереотипами поведения внутри семей и социальных групп. Как показывает анализ уголовных дел, многие преступления изначально квалифицируются как обычные убийства, но в ходе судебно-медицинских исследований и допросов могут быть переклассифицированы в деяния, совершённые с особой жестокостью. Это означает, что статистика частично отражает не только фактическую преступность, но и уровень выявления соответствующих признаков.

Устойчивость числа таких преступлений объясняется несколькими факторами. Во-первых, значительная часть убийств с особой жестокостью совершается в семейно-бытовой сфере: между супругами, родственниками, сожителями, соседями. Эти отношения насыщены эмоционально-психологическими конфликтами, ревностью, чувством собственности, накопленным раздражением или внутрисемейным стрессом, которые в условиях алкоголизации и отсутствия социальных механизмов разрядки приводят к агрессивным взрывам [3]. Во-вторых, высокий уровень жестокости связан с общей доступностью орудий нападения — бытовые предметы, кухонные ножи, строительный инструмент, предметы мебели. В-третьих, специфика Казахстана как полиэтничного и социально неоднородного государства создаёт дополнительные зоны напряжённости, особенно в крупных городах и регионах с высокой миграционной нагрузкой.

Региональный анализ показывает, что убийства с особой жестокостью по-разному распределены по территории страны. Наиболее высокий уровень характерен для крупных городов и южных регионов — Алматы, Астаны, Шымкента, Туркестанской, Кызылординской областей. В северных областях (Павлодарская, Костанайская, СКО) показатели ниже, но также стабильны. Разрыв между регионами объясняется плотностью населения, социально-экономическими различиями, уровнем безработицы, миграционными процессами и доступностью алкоголя [6].

Личность преступника в большинстве случаев представляет собой человека, испытывающего эмоциональную нестабильность, склонного к импульсивным реакциям и слабому контролю над агрессивными состояниями. Около 60 % преступников находились в состоянии алкогольного опьянения, и в 12–15 % случаев обнаруживались следы наркотических веществ [7]. Однако далеко не всегда употребление алкоголя являлось прямой причиной преступления; зачастую оно лишь разрушало внутренние барьеры, снимая остатки самоконтроля, а сам мотив преступления был сформирован задолго до конфликта.

Немаловажным является и то, что умысел на убийство с особой жестокостью в подавляющем числе случаев (до 80 %) возникает внезапно, в ходе резкой эскалации конфликта. Но в 20–25 % преступлений

следственные материалы показывают признаки подготовки: выбор места, попытку уединения, предварительный поиск орудия, создание условий, исключающих вмешательство третьих лиц. Этот тип преступлений отличается особой опасностью, поскольку свидетельствует о формировании у преступника устойчивых моделей жестокого поведения.

Виктимологический портрет потерпевших также неоднороден. Большинство жертв — люди, находящиеся в близких отношениях с преступником: супруги, партнёры, родственники, соседи. В ряде случаев потерпевшие на протяжении длительного времени терпели домашнее насилие, унижение или угрозы, что приводило к накоплению напряжённости внутри семьи. Однако важно отметить, что даже при наличии провоцирующего поведения жертвы степень общественной опасности преступления не снижается, что неоднократно подчёркивалось в судебной практике.

С точки зрения криминологии особенно значима проблема групповых преступлений. В Казахстане около 20 % убийств с особой жестокостью совершаются группой лиц, что связано с влиянием алкоголя, групповой динамикой агрессии и размытием индивидуальной ответственности. В случае организованных преступных групп, хотя они встречаются редко, уровень жестокости выше, поскольку преступление приобретает черты демонстративности и устрашения.

Важно учитывать и социально-экономический контекст. В 2014–2024 гг. Казахстан пережил несколько волн экономической нестабильности, постпандемийный кризис, усиление социальной поляризации. Эти процессы влияют на эмоциональное состояние общества, способствуют росту конфликтности, увеличивают уровень стресса, что неизбежно отражается на структуре насильственной преступности. Кроме того, повсеместное распространение гаджетов и социальных сетей формирует новые модели поведения, где агрессия, эмоциональная распушенность и демонстрация насилия получают цифровое подкрепление.

Отдельного внимания заслуживает судебная практика. В ряде дел суды указывают на необходимость более чёткого определения признаков особой жестокости, поскольку комплексная оценка поведения преступника требует изучения характера повреждений, психического состояния потерпевшего перед смертью, длительности причинения страданий, степени сознательности действий преступника. Судебно-медицинская экспертиза играет ключевую роль в установлении факта особой жестокости, поскольку именно она фиксирует прижизненность травм, множественность повреждений, следы борьбы и другие признаки, свидетельствующие о мучительном характере смерти [5].

В совокупности анализ всех факторов — правовых, социально-экономических, психологических, виктимологических и культурных — позволяет утверждать, что убийства с особой жестокостью представляют собой устойчивый криминогенный феномен, не сводящийся к отдельным индивидуальным отклонениям. Их природа формируется на пересечении личной агрессии, семейного неблагополучия, алкоголизма, сопротивляемости стрессу, культурных моделей поведения и даже медиапространства.

В связи с этим профилактика таких преступлений требует многослойного подхода. Недостаточно усиливать уголовные санкции; необходимо развивать институты социальной поддержки семей, бесплатную психологическую помощь, систему раннего выявления конфликтов, поддержку женщин, подвергающихся домашнему насилию, интеграцию медиации в бытовые споры, программы снижения алкоголизации, укрепление культурных механизмов ненасильственного разрешения конфликтов. Только комплексное воздействие на социальную среду позволит изменить структуру этих преступлений в долгосрочной перспективе.

Таким образом, анализ убийств, совершённых с особой жестокостью в Республике Казахстан за период 2014–2024 годов, позволяет увидеть не просто статистическое движение цифр, а глубинные сдвиги в социально-психологическом состоянии общества. Постепенно становится очевидным, что сама по себе уголовно-правовая норма, даже будучи достаточно чёткой и строгой, не способна в полной мере объяснить устойчивость такой формы насилия. Динамика этих преступлений складывается не из единичных всплесков агрессии, а из совокупности факторов, которые формируют повседневную жизнь людей: уровень социального стресса, межличностные конфликты, распространённость алкоголя, качество семейного воспитания, психологическая устойчивость населения, а также общая культура разрешения споров. И когда рассматриваешь данные за десятилетие, неизбежно приходишь к выводу, что речь идёт об устойчивом криминологическом феномене, который имеет собственные закономерности и развивается по логике, присущей не индивидуальному преступнику, а обществу в целом. [7].

Особую тревогу вызывает то, что уровень таких преступлений не снижается синхронно с уменьшением общего количества убийств. Напротив, категория убийств с особой жестокостью сохраняет удивительную стабильность, что свидетельствует о том, что природа подобных деяний глубже и сложнее, чем простое криминальное поведение. Они возникают преимущественно в межличностной сфере — там, где на поверхность выходят подавленные эмоции, ревность, чувство унижения, длительные семейные конфликты. Личность преступника в таких делах зачастую формируется под воздействием многолетних стрессовых факторов, и преступление становится последним, разрушительным этапом эскалации этих внутренних напряжений. В этом смысле убийства с особой жестокостью — это не только нарушение закона, но и разрушение человеческих отношений, когда агрессия выходит за рамки обычного конфликта и приобретает демонстративный, мучительный характер.

Не менее важным является то, что характер таких преступлений меняется медленно и, по сути, мало зависит от экономических или политических колебаний. В периоды относительного социального благополучия уровень жестоких убийств по-прежнему остаётся стабильным. Это означает, что жестокость как форма поведения не исчезает автоматически вслед за улучшением экономических показателей. Она закрепляется в определённых социальных группах, в бытовой культуре, в моделях передачи агрессии, которые становятся частью повседневной жизни. Поэтому борьба с такими преступлениями не может сводиться к ужесточению санкций — практика показывает, что повышение наказаний само по себе не ведёт к снижению уровня жестоких убийств.

Значительный вклад в динамику преступности вносит и региональная специфика. В крупных городах концентрация населения, отсутствие прочных социальных связей, быстрая смена социальных ролей и высокий уровень анонимности создают условия, в которых бытовые конфликты легко переходят в агрессивные формы. В южных регионах, напротив, немалую роль играют культурные и семейные традиции, где эмоциональная реактивность выше, а конфликты приобретают личностный, часто затяжной характер. Эти различия показывают, что универсальные меры профилактики не всегда дают ожидаемый результат: необходима региональная адаптация программ, учитывающая культурные нормы, демографическую структуру, уровень миграции и социальную напряжённость.

Вызывает серьёзное беспокойство и тот факт, что значительная часть преступлений совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Это ещё раз подтверждает, что борьба с жестокими преступлениями должна включать не только уголовно-правовые механизмы, но и меры социальной политики: ограничение доступности алкоголя, развитие служб психологической помощи, системы медико-социальной реабилитации, повышение уровня общественной культуры и ответственности. Только через изменение социальной среды можно добиться реального профилактического эффекта.

Важным элементом предупреждения таких деяний является реформирование работы правоохранительных органов и судебной системы. Правильная квалификация особой жестокости требует глубоких судебно-медицинских исследований, точного установления мотивации преступника, анализа поведения до и после преступления. Введение цифровых технологий, систем видеонаблюдения, расширение практики работы с бытовыми агрессорами, развитие службы пробации могут существенно снизить уровень повторных преступлений. Особенно важны механизмы раннего вмешательства в ситуации семейных конфликтов, поскольку значительная часть убийств с особой жестокостью имеет длительную предысторию — от скрытых конфликтов до прямых угроз и насилия.

Таким образом, убийства с особой жестокостью нельзя рассматривать только как юридическую категорию, ограниченную диспозицией статьи уголовного закона. Это сложное социально-психологическое явление, отражающее состояние общества, степень его устойчивости и способность справляться с внутренними напряжениями. Установка на снижение уровня таких преступлений требует многоплановых решений: развития социальных институтов, поддержки семей, доступной психологической помощи, укрепления культурных норм ненасильственного поведения, совершенствования работы полиции и судебной системы. Только комплексная, последовательная и многомерная стратегия позволит повлиять на структуру этих преступлений и постепенно снижать их уровень.

И, пожалуй, главный вывод заключается в том, что убийства с особой жестокостью — это зеркало, в котором отражается эмоциональная культура общества. Чем выше в нём уровень агрессии, нетерпимости, жестокости в межличностных отношениях, тем устойчивее будет и криминогенная модель поведения, основанная на разрушении человеческой жизни. Поэтому путь к снижению этих

преступлений лежит не только через закон, но и через изменение самой социальной среды, в которой формируются повседневные отношения между людьми.

Список использованных источников:

1. Алауханов Е. О. Криминология. – Алматы: Жеті Жарғы, 2020. – 540 с.
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Официальный текст. – Астана: Әділет, 2024.
3. Антонян Ю. М. Агрессия и насилие: криминологические основы. – М.: Юрайт, 2018. – 384 с.
4. МВД Республики Казахстан. Официальные статистические данные о преступности, 2014–2024 гг.
5. Верховный Суд РК. Обзор судебной практики по делам об убийствах, совершённых с особой жестокостью. – Астана, 2023.
6. Саттаров Р. Ж. Социальные факторы насильственной преступности. – Алматы: Қазақ университеті, 2021. – 247 с.
7. Баймурзаев Б. Криминологический анализ тяжких преступлений против личности. – Астана: Баспа, 2022. – 290 с.

**К ВОПРОСУ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МОМЕНТ
ОКОНЧАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Садуакасов Аскар
магистрант, Карагандинский национальный исследовательский университет
имени академика Е.А.Букетова

Научный руководитель: Аманжолова Б.А. профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, к.ю.н, ассоциированный профессор

Широкое применение норм, стимулирующих положительное поведение лица, согласующееся с интересами борьбы с преступностью, показывает, что они необходимы для предотвращения преступления на ранних стадиях, предоставляя лицу, вставшему на антиобщественный путь, возможность исправиться и добровольно признаться.

Профилактика преступлений как приоритетное направление деятельности органов внутренних дел нашла отражение в программе борьбы с преступностью в Республике Казахстан на 2010–2015 годы [1; 11], где акцент сделан на выявление лиц, от которых можно ожидать совершения правонарушений, и коррекцию их антиобщественного поведения.

В этом контексте добровольный отказ от преступления выступает важным рычагом предупреждения противоправных деяний. Он позволяет, с одной стороны, органам, ведущим борьбу с преступностью, склонить лицо к отказу от преступления на ранней стадии, а с другой — даёт самому лицу шанс избежать уголовно-правовой репрессии. Практическое значение норма о добровольном отказе приобретает только при неоконченном преступлении, что обусловило её размещение рядом с нормами о покушении и приготовлении. Поэтому решение вопроса об ответственности за неоконченное преступление либо об её исключении невозможно без определения сущности и условий применения института добровольного отказа.

Правовое значение добровольного отказа заключается в том, что он является особым обстоятельством, исключающим ответственность за предварительную преступную деятельность. Добровольным отказом признаётся прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на его совершение, при осознании возможности доведения преступления до конца. Согласно ст. 26 УК РК лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, несёт ответственность лишь в случае, если фактически совершённое им деяние содержит состав иного преступления.

Добровольный отказ полностью исключает ответственность за преступление, которое лицо